

УДК 101:62:004+316.4

## КОНВЕРГЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. БЕЛОКРЫЛОВА<sup>1)</sup>, Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема социального доверия в контексте конвергентного развития информационных и социальных технологий. Доверие является основой как межличностных, так и институциональных отношений. На современном этапе наметилась тенденция к делегированию производства социального доверия технологической сфере. В Китае конвергенция информационных и социальных технологий позволила создать всеобъемлющую систему социального рейтинга, призванную обеспечить высокий уровень социального доверия в условиях модернизации общества и трансформации системы ценностей и норм. Анализируются возможные риски реализации такой системы: недостатки методологии сбора данных, монополизация контроля над системой и участниками, утечка персональных данных, человеческий фактор, замещение моральных и правовых регулятивов и формирование конформистской модели поведения. Формулируются требования, способные снизить риски использования системы социального рейтинга и сохранить ее фундаментальную установку – повышение уровня социального доверия. Определяется специфика центростремительной (китайской) и центробежной (основанной на блокчейн-технологии) моделей доверия в цифровом обществе.

**Ключевые слова:** информационные технологии; социальные технологии; конвергенция; доверие; социальный скоринг; система социального кредита; блокчейн.

---

### Образец цитирования:

Белокрылова ВА, Добродородний ДГ. Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:18–26.

### For citation:

Belakrylava VA, Dabrarodni DG. Convergence of social and information technologies and the problem of trust in a digital society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:18–26. Russian.

---

### Авторы:

**Вера Анатольевна Белокрылова** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии.  
**Данила Григорьевич Добродородний** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования.

### Authors:

**Vera A. Belakrylava**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy.  
[ralfinaster@gmail.com](mailto:ralfinaster@gmail.com)  
<https://orcid.org/0000-0002-4306-8991>  
**Danila G. Dabrarodni**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education.  
[danila\\_dobr@mail.ru](mailto:danila_dobr@mail.ru)  
<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>

## CONVERGENCE OF SOCIAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES AND THE PROBLEM OF TRUST IN A DIGITAL SOCIETY

V. A. BELAKRYLAVA<sup>a</sup>, D. G. DABRARODNI<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Corresponding author: D. G. Dabrarodni (danila\_dobr@mail.ru)

The article deals with the problem of social trust in the context of convergent development of information and social technologies. Trust is the foundation of both interpersonal and institutional relationships. The trend of delegating the production of social trust to the technological sphere has emerged at the present stage. The convergence of information and social technologies has made it possible to create a comprehensive social credit system in China, designed to ensure a high level of social trust in the conditions of modernisation of society and transformation of the system of values and norms. The article analyses the possible risks of implementing such a system: shortcomings of the data collection methodology, monopolisation of control over the system and participants, leakage of personal data, the human factor, substitution of moral and legal regulations and the formation of a conformist model of behaviour. The authors formulate requirements that can reduce the risks of using the social rating system and preserve its fundamental setting – increasing the level of social trust. The specifics of centripetal (Chinese) and centrifugal (based on blockchain technology) models of trust in a digital society are determined.

**Keywords:** information technologies; social technologies; convergence; trust; social scoring; social credit system; blockchain.

Информационные технологии по праву считаются отличительной чертой современного общества. Более того, специфика социума, культуры, экономики и даже индивидуального сознания все чаще определяется через информационный (цифровой) атрибут (информационную культуру и потребление, цифровое государство, экономику, маркетинг, менеджмент, образование и здравоохранение). Можно утверждать, что понятия *информационный* и *цифровой* стали синонимами слова *современный*, маркерами эпохи. Однако эпохальное значение информационных технологий во многом обусловлено их конвергенцией с социальными технологиями. Обилие информационных средств и сред, глубина их интеграции в жизнь современного человека многократно усиливают возможности локальной социальной инженерии. Объектами воздействия информационных и социальных технологий становятся не только деятельность и поведение, но и мышление, эмоции, чувства, симпатии и антипатии как отдельных индивидов, так и социальных общностей различного масштаба [1]. На современном этапе информационные и социальные технологии начинают использоваться для решения фундаментальной проблемы общества – проблемы доверия.

Общество, как социальный организм, не существует без доверия, которое представляет собой подлинные «скрепы» как межличностных, так и институциональных отношений. Исторически менялись и гаранты этого общественного ресурса. Племенные, религиозные, сословные, политические взаимодействия обеспечивали воспроизводство разнообразных конструкций и механизмов доверия. Конвергенция информационных и социальных технологий заставляет вновь обратиться к феномену доверия, который неотделим от цифровизации. В данной

статье предпринимается попытка проанализировать перспективы и риски конвергенции информационных и социальных технологий в сфере обеспечения общественного порядка и повышения уровня социального доверия на примере системы социального рейтинга, которая наиболее активно реализуется в Китае.

В современном обществе социальные и информационные технологии переплелись настолько, что порой их невозможно различить и представить друг без друга. Социальные технологии формируют у субъекта определенные идеи, убеждения, линии поведения, однако решение остается в его внутренней компетенции, хотя и со значительной долей вероятности соответствует исходным целям технологии. Личные границы, ставшие для современного человека неотъемлемой составляющей психологического и социального благополучия, оказываются проницаемыми для объединенного воздействия социальных и информационных технологий. Цифровую эпоху отличает потребность в более тонком воздействии на человека, которое способно обеспечить не просто подчинение и дисциплину, а высокомотивированный труд, инициативность, эмоциональную вовлеченность и креативность.

Одним из атрибутов социальных технологий является их возникновение в результате целенаправленной деятельности, моделирующей определенные фрагменты социальной реальности (сознание, поведение, взаимодействие) в соответствии с намерениями и интересами субъекта (конструктора, социального инженера). Однако искусственность намерений и целей по аналогии с технотворением основана на теоретическом овладении объективными параметрами и характеристиками социальной среды, а также на понимании психологической кон-

ституции человека. Проектные задачи реализуются не вопреки, а благодаря объективным (естественным) параметрам исходного социального объекта сообразно его природе. А. А. Аргамакова отмечает: «Социальные “демиурги” обычно не с нуля творят реальность, а совершенствуют уже существующие практики» [2, с. 79]. Таким образом, социальные технологии информационного общества предполагают определенное окно возможностей. В связи с этим А. С. Дацюк заключает: «Любое влияние возможно, с одной стороны, на изменяющееся общество, с другой стороны, внутри его собственной перспективы, с третьей стороны, внутри его собственного культурного пространства. Попытка оказывать влияние на основании некоторого ностальгического содержания прошлого может быть некоторое время успешной, но в целом является бесперспективной, поскольку эксплуатирует отмирающие смыслы, а не создает новые» [3].

Процесс социализации внедряемых в общественную практику технологий должен оцениваться не только с позиций их эффективности, но и с позиций гуманитарной экспертизы, широкого общественного обсуждения. В частности, отдельного осмысления требуют превращенные формы социального доверия в современном цифровом пространстве. Важно избежать крайностей: редукции доверия к технологиям, с одной стороны, и сведения доверия к чисто духовным инстанциям, с другой. Ключевой проблемой является позиция агентов доверия, признаваемых обществом или по крайней мере значительной его частью. Агент доверия – это тот, кто может убедить своим авторитетом, выступить поручителем доверия людей к друг к другу, к общественным и государственным институтам. По аналогии со средствами производства можно эксплицировать средства и способы воспроизводства доверия: символические, политические и технологические. Последние, поднявшись на новый уровень развития благодаря технологической конвергенции, начинают играть ключевую роль в современном обществе.

Ярким примером конвергенции социальных и информационных технологий для обеспечения социального доверия служат рейтинговые системы, которые за счет сбора данных и ранжирования пользователей по определенным критериям обеспечивают прозрачность и предсказуемость результатов социального взаимодействия. Беспрецедентный масштаб приняла система социального рейтинга, разработанная в Китае, где возможности информационных технологий и стремление к социальному контролю, управлению поведением и мотивацией слились в одном из самых масштабных экспериментов в истории человечества.

Система социального рейтинга – это одна из версий репутационного или социального скорин-

га, который представляет собой систему оценки действий человека или организации по совокупности параметров. На основании проведенной оценки определяется доступ человека к ресурсам, товарам и услугам. В современных условиях сбор данных осуществляется при помощи передовых информационных технологий. Социальный скоринг активно используется для оценки платежеспособности клиента и рискованности сделок в банковско-финансовом секторе, а также в сферах страхования, аренды жилья, в службах знакомств, на торговых площадках, т. е. везде, где требуется дифференцированный подход к человеку в зависимости от его качеств, действий, наличия собственности и т. д. В масштабах всего общества система социального рейтинга очерчивает круг социально-экономических и политических возможностей личности. Можно утверждать, что система социального рейтинга (и социальный скоринг в целом) – это яркий пример конвергенции информационных и социальных технологий, инструмент мягкого социального управления, поскольку с его помощью происходит коррекция социальной активности личности в необходимом направлении.

Социальный скоринг может осуществляться частной компанией или государственной службой, иметь разную степень сложности и функциональности и выражаться в различной форме, но так или иначе он служит источником классифицирующей или квалифицирующей информации о субъекте. Система социального рейтинга, разработанная и принятая к реализации в Китае, представляет собой наиболее резонансный случай использования социального скоринга, вызвавший широкую дискуссию среди ученых и общественности. В настоящей статье кратко рассматриваются особенности данной системы, при этом учитывается, что полных и достоверных сведений о ее работе, методологии определения рейтинга и практики его реализации не существует. Тем не менее имеющейся информации достаточно для начала обсуждения перспектив и рисков, связанных с использованием подобных технологий.

В 2013 г. Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР выступило с инициативой о создании системы социального кредита (рейтинга доверия), которая опирается на целенаправленную государственную политику Китая по научному развитию и построению гармоничного общества. В 2007 г. были опубликованы «Некоторые замечания канцелярии Госсовета КНР о создании системы социального кредита». Первоначально данная система копировала опыт финансовых институтов западных стран в сфере социального скоринга и должна была способствовать бурному экономическому росту Китая через инструменты кредитования. В 2014 г. Государственный совет КНР обнаружил

документ «О планировании строительства системы социального доверия (2014–2020)», согласно которому значение системы социального кредита значительно повысилось. Главной ее целью стало установление атмосферы доверия в сфере государственных, экономических, социальных и юридических отношений через создание централизованной системы объективной оценки организаций и отдельных граждан. Основная задача системы состоит в том, чтобы «оправдавшие доверие пользовались всеми благами, а утратившие доверие не могли сделать ни шагу» (цит. по [4]). Таким образом, система социального скоринга, ограниченная первоначально финансово-кредитной системой, расширилась до системы социального доверия – основы «построения социалистического гармоничного общества» [5, с. 252].

Эксперимент по реализации системы социального кредита проводился в различных городах и регионах Китая. Так, например, 670 тыс. жителей г. Жунчэн (провинция Шаньдун) был присвоен стартовый рейтинг в 1000 баллов, который можно было повысить или понизить, совершая определенные действия. Законопослушный гражданин, который платит налоги, своевременно погашает кредиты, соблюдает правила дорожного движения, следует морали и выполняет социально полезные поручения, обладает высоким уровнем социального доверия, поэтому может рассчитывать на льготный кредит, социальное жилье, скидки на товары и услуги, более быстрый интернет, бронь гостиниц, билеты на самолет и скоростной поезд. Гражданин, низкий уровень социального доверия которого сформировался из-за совершенных противоправных действий, задержек в оплате жилищно-коммунальных услуг или платежей по кредитам, скандалов с соседями, развода, антиправительственной деятельности, попадает в черный список и не может рассчитывать на хорошую работу, льготный кредит и даже на аренду велосипеда. Информация о социальном рейтинге человека размещается на «доске почета» или «доске позора», указывается в его профиле, например, на сайте знакомств. По мнению Д. Б. Графова, «система социального рейтинга стала средством не только исправления недобросовестного поведения, но и инструментом социального менеджмента, который позволяет фиксировать незаконное, ненадлежащее, ненадежное поведение граждан и применять к ним автоматически дисциплинирующие меры ограничительного характера» [5, с. 252].

Закономерно, что разработкой программного обеспечения для системы социального кредита занимались такие организации, как *Ant Financial Services Group*, *Tencent* и *Alibaba Group*. Это крупнейшие компании Китая в сфере финансов и информационных технологий, которые обладают практически без-

граничными базами данных пользовательской информации. *Alibaba Group* даже разработала систему *Sesame Credit*, которая используется в отношении физических лиц – клиентов компании – и позволяет предоставлять им различные услуги в зависимости от рейтинга. *Sesame Credit* ориентирована на покупательскую активность пользователя. Ее главным поощрением является предоставление скидок и доступных кредитов на онлайн-покупки. *Tencent* – это компания, которой принадлежат два самых популярных в Китае мессенджера *Wechat* и *TencentQQ*. Синхронизация с наиболее популярными социальными сетями открывает для системы социального кредита безграничные возможности по анализу пользовательской активности. Перемещения по стране, появление в определенных местах, контакты с различными людьми, активность в комментариях, посещение информационных ресурсов – все это является основанием для оценки социальной активности личности и уровня доверия к ней, при этом отказ от социальных сетей или интернета воспринимается с подозрением и наверняка негативно скажется на рейтинге социального доверия.

В середине декабря 2016 г. Си Цзиньпин на заседании Политбюро ЦК КПК заявил: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надежности, покрывающей все общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие» (цит. по [4]).

Аналогичным образом система социального кредита действует в отношении юридических лиц. Компании и организации проходят регулярную проверку на соответствие экологическим нормам, своевременность уплаты налогов и погашения кредитов. Оцениваются условия, финансовая отчетность, участие в государственно-частном партнерстве, отзывы клиентов и т. д. На основании этих данных организации присваивается определенный рейтинг, с которым каждый желающий может ознакомиться в Национальной информационной системе публичной кредитной информации для компаний<sup>1</sup>.

Организациям с высоким рейтингом доверия доступны кредитные и налоговые льготы, упрощенные административные процедуры и другие послабления со стороны государства. Компании с низким рейтингом не получают указанных льгот и подвергаются дополнительным лимитациям в виде запрета на эмиссию ценных бумаг, инвестиционных ограничений, дополнительного лицензирования и согласования на осуществление определенной деятельности. Таким образом, система социального кредита

<sup>1</sup>全家企业信用信息公示系统 = Национальная информационная система публичной кредитной информации для компаний [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gsxt.gov.cn/index.html> (дата обращения: 06.12.2021).



способствует повышению доверия в обществе через предоставление информации о благонадежности социальных агентов. Если человек будет знать, что его сосед имеет низкий социальный рейтинг, он будет меньше ему доверять, не оставит вещи без присмотра или не одолжит деньги. Рейтинг организации будет влиять на решение партнера или клиента вступать в деловые отношения, позволит объективно оценить риски сотрудничества. По словам С. В. Решетникова и О. Е. Побережной, «...китайская система социального рейтинга... служит прекрасным примером использования возрастающих информационных технологических возможностей в социальном инжиниринге и государственном управлении. Она формирует необходимый уровень прозрачности социального поведения и повышает возможности его контроля и корректировки. По сути, процесс естественного, стихийного социального ранжирования заменяется контролируемым и направляемым процессом» [6, с. 260]. Таким образом, система социального кредита поднимает традиционную для Китая модель государственного управления, контроля и патернализма на новый технологический уровень, «обеспечивающий контроль в режиме реального времени и формирующий социально ответственное поведение в более принудительном порядке, чем идеология, право, общественная мораль или нравственность» [6, с. 261].

Очевидные перспективы системы социального рейтинга, обусловленные ускоренным развитием и внедрением информационных и социальных технологий, на наш взгляд, требуют более скрупулезного анализа рисков, связанных с ее реализацией. Главная проблема системы социального кредита для граждан – отсутствие прозрачного механизма начисления и снятия баллов рейтинга. А. Д. Трахтенберг указывает, что «единый информационный центр анализирует 160 тысяч различных параметров из 142 учреждений» [7, с. 113], но узнать, какие именно действия повысили или понизили рейтинг конкретного человека, невозможно. Это создает дополнительный ореол таинственности, вездесущности контроля и неизбежности воздаяния, однако, на наш взгляд, не способствует росту социального доверия, на который ориентирована система. Прозрачность методологии скоринга, четкость процедуры занесения в черные списки, защита от ошибки и прозрачность ее исправления способны значительно повысить доверие граждан к системе социального рейтинга.

Другая сложнейшая проблема – хранение персональных данных – является приоритетной для всех современных компаний, государств, а также для каждой личности, которая надеется сохранить тайну переписки, неприкосновенность личной жизни, защитить свои финансовые средства. Гарантом сохранности данных системы социального кредита вы-

ступает государство. Однако это не отменяет риска монополизации персональных данных и последующей коррупции. Кроме того, сведения для системы социального кредита поступают из самых разнообразных источников, среди которых как государственные организации (жилищно-коммунальные службы, органы правопорядка, налоговая инспекция и др.), так и частные компании (банки и другие кредитные учреждения, торговые площадки, социальные сети), и даже отдельные лица, которые могут сообщать об аморальном поведении гражданина (например, о том, что он не заботится о пожилых родителях). В последнем случае возможно искажение информации в личных целях (для повышения рейтинга друзей, родственников и знакомых).

И. В. Пашковская и Н. И. Валенцева считают, что «в настоящее время система репутационной оценки должна базироваться на официальных правилах и стандартах регулирования, включающих описание общих положений системы оценки, основных источников получения информации о пользователях, описание набора стимулов и ограничений, мер по защите прав и интересов участников системы, мер регулирования и содействия развитию системы оценки на перспективу, включать законодательные основы по ответственности государственных и частных учреждений, участвующих в системе репутационной оценки» [8].

Безусловно, технология социального скоринга повышает уровень ответственности за действия в цифровой среде, ставшей практически всепроникающей. Возможно, следует предупреждать человека о негативной оценке его действий, но это не снимет проблемы прозрачности его жизни. А. А. Беспалько полагает, что «в современных условиях говорить о неприкосновенности личной жизни уже бессмысленно, вся жизнь, в том числе и личная, начинает постепенно приобретать публичный характер. На первый план выходит не сам факт сбора информации, а вопрос: кто и как этой информацией будет далее пользоваться, какая информация и как долго должна храниться, кому и на каких основаниях может или должна передаваться, а также кто и как будет контролировать выполнение правил обработки информации?» [9, с. 74].

Еще один важный аспект дискуссии о рисках связан с трактовкой социального рейтинга как инструмента подчинения личности тоталитарной цифровой системе. Критики считают, что с помощью системы социального кредита правительство Китая обеспечивает повышение лояльности молодых граждан, которые иногда пренебрегают традиционными ценностями и много времени проводят в интернете. Однако надо признать, что система социального кредита не создает новой информации о человеке или организации, а обрабатывает сведения из различных источников

на основании критериев, заданных ее создателем. Проблемы неприкосновенности личной жизни и ограничения свободы обусловлены не сущностью новой технологии, а властными отношениями между людьми. Социальный рейтинг может использоваться как для укрепления авторитарного политического режима, так и для информационного обеспечения открытых рыночных отношений и современной демократии участия. Он может стать инструментом повышения доверия, защитить общество от недобропорядочных личностей (мошенников, популистов, коррупционеров) и организаций, нарушающих правовые и этические нормы или экологические стандарты.

С философской точки зрения технология социального рейтинга как мягкой силы, которая управляет поведением индивида при помощи цифрового контроля и системы бонусов и наказаний, а также всячески мотивирует его совершать социально приемлемые поступки, вызывает опасения не как политическая технология, а как универсальный регулятив человеческого поведения. Наибольший риск использования социального рейтинга связан с тем, что система позволяет человеку отказаться от необходимости осознанно искать и анализировать информацию о другом человеке или организации, принимать самостоятельные решения о выборе партнера по коммуникации, критически относиться к социальному окружению, общественному мнению и стереотипам, предвзятому отношению, а также задумываться над своим поведением и его последствиями. Социальный рейтинг редуцирует весь сложный внутренний мир, направляющий человеческое поведение, до элементарных действий в своеобразной виртуальной игре, в которой нужно следовать предписанной стратегии и ориентироваться на четко заданные указания. Существует опасность того, что система социального кредита будет способствовать формированию общества конформистов, соревнующихся в успешности приспособления под требования рейтинговой системы, серой массы «демократического большинства авторитарных индивидуумов» [10, с. 246].

Таким образом, можно констатировать, что система социального рейтинга, как технология с обширными перспективами и многочисленными рисками, требует определенной настройки. Чтобы не стать угрозой для демократического общества, она должна удовлетворять следующим требованиям:

- открытости и прозрачности методологии сбора информации и определения социального рейтинга;
- гарантии сохранности персональных данных;
- наличие четкого механизма оспаривания оценки рейтинга и возможности его коррекции;
- проведению регулярного аудита системы независимыми экспертами;

- отсутствию дискриминации по национальному, религиозному, половому, профессиональному, возрастному, политическому, социальному или имущественному признаку;

- устойчивости к попыткам повысить или понизить оценку гражданина в обход заданной методологии [9, с. 77–78].

Если обобщить тенденции по использованию информационных и социальных технологий для повышения уровня социального доверия, то в качестве двух исходных идеально-типических схем можно выделить центростремительную и центробежную модели доверия в цифровом обществе. Отметим, что данные модели лишь абстрагируют, генерализуют отличительные черты различных социотехнологических подходов к проектированию, воспроизводству и институционализации доверия в пространстве цифрового общества. В современных условиях еще ни одна из них не была реализована в полной мере. Речь скорее идет об их экспериментальной эксплуатации, последствия которой для человека и общества нуждаются в осмыслении. Цифровизация служит технологической платформой обеих моделей доверия. Однако социальные стратегии и принципы, согласно которым достигаются доверительные отношения, существенно различаются. Как показывает практика, технологические возможности пластично реализуют диаметрально противоположные социальные запросы.

Центростремительная модель (примером которой является система социального кредита, реализуемая в Китае) основана на иерархическом принципе и обладает, по сути, элитарной установкой, предполагающей наличие легитимированных и легитимирующих доверие позиций в общественной структуре. Держателям последних принадлежит структурная и символическая монополия оценки благонадежности и выдачи кредитов доверия. Центростремительная модель воплощает экзистенциальный запрос: «Спаси нас от себя самих», о котором Ф. М. Достоевский говорит устами Великого инквизитора. Законность и справедливость в рамках такой системы отождествлены по умолчанию. Сакраментальный вопрос: «А судьи кто?» – тут фактически не встает, поскольку и судья, и законодатель, и исполнитель совпадают в лице эмитента доверия.

Является ли китайская система социального рейтинга воплощением цифрового паноптикума, пусть и направленного (по мнению ее разработчиков) на благо общества? Может ли доверие считаться результатом общественного признания, если процедура его оценки, по сути, представляет собой не констатирующий, а перформативный акт? Какова вероятность того, что цифровизация станет новой технологической основой очередного витка социального отчуждения – отчуждения общества от себя как ис-

точника социального доверия? Так или иначе демократичность и эгалитаризм современных цифровых технологий не распространяются без оговорок на их социальную миссию.

В технологии блокчейн нашли свое отражение многие знаковые явления современности: децентрация социальных коммуникаций на основе цифровых платформ, распространение сетевого принципа самоорганизации далеко за пределы онлайн-реальности, запрос неолиберализма на очередной реванш и даже идеология анархии гиперпространства – ровесница интернета. Блокчейн, как современный цифровой хедлайнер, может служить иллюстрацией центробежной модели воспроизводства социального доверия. Децентрализация является главным преимуществом и гарантом устойчивости блокчейна как способа организации данных в виртуальных сетях. В отсутствие выделенного центра информация дублируется в каждом из узлов сети. Как отмечает А. Середа, «данные на блокчейне, как правило, являются открытыми и неизменными и потенциально могут считаться вечными: они будут храниться, пока существует хотя бы один узел в сети (примером такого узла может быть криптокошелек)» [11]. Некоторые авторы утверждают, что блокчейн является изобретением, следующим по значимости после интернета. «Можно ожидать существенные изменения в представлениях о социальном мире, которые будут вызваны влиянием этой “умной” технологии на человеческую практику и стандарты ее интерпретации» [11, с. 159].

Как принцип действия технологии блокчейн коррелирует с центробежной моделью доверия? Участники транзакций делегируют удостоверение и регулирование своих сделок не гарантам от власти, а технологии, алгоритму, виртуальному носителю их социальной конвенции. По мнению М. Пантыкиной, доверие – «уверенность в алгоритмизированной определенности развития событий и последовательности действий участников коммуникации, основанная на гарантиях, предоставляемых децентрализованными техническими системами, а также подчинения анонимной коллективной идентичности» [11, с.158].

Критика центристской модели созидания доверия способствует продвижению ее социотехнических альтернатив. М. Пантыкина полагает, что «...одной из причин экспансии блокчейн в социальные практики следует считать необходимость преодоления девальвации доверия как социальной ценности, возникшей в последние десятилетия. А основанием популярности новой идеологии доверия – беспомощность государственных институтов в отношении вызовов тотальной неопределенности и возрастания рисков» [11, с. 161]. Ряд авторов ассоциируют структуру коммуникативных транзакций технологии блокчейн с идеологией анархизма:

это «анархические, аполитичные структуры, способные наконец подорвать порядок вещей и заменить ненадежных и недостойных доверия “человеческих агентов” в новом политическом проекте» [12]. Такому подходу противостоит скептический взгляд на освободительные возможности блокчейна.

Цифровые технологии в качестве инструментальных средств обеспечения и поддержания доверия в обществе не являются самодостаточными, социально и идеологически нейтральными ни в центристской, ни в центробежной моделях. Симптоматично, что в адрес социальных практик производства доверия (системы социального кредита и технологии блокчейн), основанных на моделях противоположной конфигурации (центристской и центробежной), выдвигаются схожие обвинения в цифровой диктатуре и репрессивной децентрализации соответственно [12].

Центристская модель, как социо- и политехнологический фундамент доверия в обществе, представляет собой превращенную форму тотального недоверия власти к гражданам и граждан друг к другу. Основанный на блокчейне умный контракт (англ. *smart contract*) воплощает не моделирование доверия в цифровом пространстве, а его технологический эрзац. По словам М. Пантыкиной, «алгоритмическое доверие является лишь превращенной формой доверия (“не доверяющее доверию”)». Действительно, его специфика обнаруживается в том, что блокчейн превращает доверие между отдельными правовыми лицами в доверие к децентрализованным технологическим системам с их квазисущностями [11, с. 163]. Аналогичную ситуацию наблюдаем в случае с системой социального кредита, основное назначение которой – быть технологически беспристрастным залогом доверия людей друг другу. Доверие в обществе в конечном итоге оказывается функцией цифровых алгоритмов, на откуп которым отданы оценочные суждения, репутация и социальное ранжирование граждан.

Таким образом, альтернативой китайскому социодигитальному «большому брату», имеющему вполне осязаемый властный денотат в реальности, является децентрализованный виртуальный алгоритм, ставший возможным благодаря конвергентному синтезу информационных подходов и социальных стратегий. Наблюдается тенденция делегирования производства социального доверия технологической сфере.

Очевидно, что социальные технологии активно используют информационные технологии для достижения своих целей, а многие и вовсе стали возможны благодаря их развитию. В свою очередь, востребованность информационных технологий в качестве платформы эффективного и высокопродуктивного инструмента социального влияния, мягкого регулирования общественных



процессов в желаемом направлении, будь то коммерческий или государственный интерес, во многом обусловили заказ на их разработку и распространение. Конвергентное функционирование обоих видов технологий в информационную эпоху становится одновременно и внутренним драйвером их совершенствования, и источником культурных вызовов, поскольку социальные и информационные технологии не являются интеллектуальными и гуманными по умолчанию.

Конвергентная социотехнологическая реальность открывает многообещающие перспективы и одновременно становится источником вызовов и рисков. Это типично для утверждения новых технологических укладов. Консолидированная экспансия социальных и информационных технологий отличается порождением особой конвергентной среды, оказывающей экстенсивное (расширяющееся по масштабам) и интенсивное (углубляющее-

ся по степени влияния) человекомерное воздействие. Системная интеграция информационных и социальных технологий в жизнедеятельность современного общества, латентные формы их реализации актуализируют проблему гуманитарной экспертизы технологических проектов. В ракурсе внимания должны находиться границы и потенциально запретные приемы и методы, которые чреваты деструктивными последствиями. Установление ограничений применения таких технологий и методов – непосредственная задача гуманитариев. В эпоху всеобщей коммодификации дистанция между императивами эффективности и гуманизма постоянно увеличивается, а ключевым параметром технологии как таковой остается целерациональность, поэтому процесс социализации человекомерных социальных и информационных технологий должен стать предметом широкого общественного обсуждения.

### Библиографические ссылки

1. Доброродный ДГ, Белокрылова ВА. Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху. *Философские науки*. 2021;64(5):71–92. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92.
2. Аргмакова АА. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия. *Эпистемология и философия науки*. 2015;4:70–84.
3. Дацюк СА. Гуманитарные технологии как инструменты влияния. *Центр гуманитарных технологий* [Интернет]. 2006 [протитировано 6 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/library/articles/2749>.
4. Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. *Московский Центр Карнеги* [Интернет]. 2017 [протитировано 6 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://carnegie.ru/commentary/71546>.
5. Графов ДБ. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания. *Власть*. 2020;28(2):250–259. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7165.
6. Решетников СВ, Побережная ОЕ. Система социального рейтинга в функционировании социального государства. В: Василевич ГА, редактор. *Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции; 3–4 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 258–263.
7. Трахтенберг АД. Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри. *Дискурс-Пи*. 2019;4: 108–118. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10407.
8. Пашковская ИВ, Валенцева НИ. Развитие системы репутационного скоринга на примере Китая и России. *Вестник Евразийской науки* [Интернет]. 2019 [протитировано 6 декабря 2021 г.];11(2). Доступно по: <https://esj.today/PDF/94ECVN219.pdf>.
9. Беспалько АА. К вопросу о критике системы социального кредита. *Systems and Management*. 2019;1(2):72–80.
10. Графов ДБ. Повышение устойчивости политической системы КНР и система социального рейтинга. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019;3:235–248.
11. Пантыкина М. Блокчейн и социальные концепты: экспозиция проблемного поля. *Социологическое обозрение*. 2019;18(1):158–187.
12. Середа А. Философия блокчейна: цифровая демократия или репрессивная децентрализация? *Лятуцы ўніверсітэт* [Интернет]. 2019 [протитировано 6 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://fly-uni.org/stati/filosofija-blokchejna-cifrovaja-demokratija-ili-repressivnaja-decentralizacija>.

### References

1. Dobrorodny DG, Belokrylova VA. Convergence of information and social technologies in the digital age. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2021;64(5):71–92. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92.
2. Argamakova AA. Applied socio-humanitarian knowledge, social technologies and engineering. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2015;4:70–84. Russian.
3. Datsyuk AS. Humanitarian technologies as instruments of influence. *Centre for humanitarian technologies* [Internet]. 2006 [cited 2021 December 6]. Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/2749>. Russian.
4. Kovachich L. Big Brother 2.0. How China is building a digital dictatorship. *Carnegie Moscow centre* [Internet]. 2017 [cited 2021 December 6]. Available from: <https://carnegie.ru/commentary/71546>. Russian.
5. Grafov DB. The system of social ranking in the PRC as the information and communication technology of reward and punishment. *Vlast*. 2020;2(28):250–259. Russian. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7165.



6. Reshetnikov SV, Poberezhnaya OE. [The social rating system in the functioning of the welfare state]. In: Vasilevich GA, editor. *Konstitutsionno-pravovye osnovy razvitiya Respubliki Belarus' kak sotsial'nogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 3–4 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Constitutional and legal foundations of the development of the Republic of Belarus as a social state in modern conditions: materials of the International scientific and practical conference; 2019 October 3–4; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 258–263. Russian.
7. Trakhtenberg AD. China's social credit system: look inside and out. *Discourse-P*. 2019;4:108–118. Russian. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10407.
8. Pashkovskaya IV, Valentseva NI. Development of reputation scoring system on the example of China and Russia. *The Eurasian Scientific Journal* [Internet]. 2019 [cited 2021 December 6];11(2). Available from: <https://esj.today/PDF/94ECVN219.pdf>. Russian.
9. Bepalko AA. On the issue of criticism of the social credit system. *Systems and Management*. 2019;1(2):72–80. Russian.
10. Grafov DB. «Social credit system» and other approaches to strengthen stability of China's political system. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019;3:235–248. Russian.
11. Pantikina M. Blockchain and social concepts: exposure of the problem field. *Russian Sociological Review*. 2019;18(1): 158–187. Russian.
12. Sereda A. Blockchain philosophy: digital democracy or repressive decentralization? *Ljatychy wniwersytet* [Internet]. 2019 [cited 2021 December 6]. Available from: <https://fly-uni.org/stati/filosofija-blokchejna-cifrovaja-demokratija-ili-repressivnaja-decentralizacija/>. Russian.

Статья поступила в редакцию 30.12.2021.  
Received by editorial board 30.12.2021.